НА СПЕКТАКЛЯХ В ТЮЗе

ДЕЛО ДЕТСКОЙ РАДОСТИ

ЧЕРНО-БЕЛАЯ спираль времени, суетливо мечущиеся халаты безжалостных ученых, трогательный дуэт доисторического мальчика, перенесенного наукой в XXI век, и его воспитательницы. Современная проблема — наука в человеке в основе спектакля «Тимми—ровесник мамонта» по рассказу Айзека Азимова (автор И. Ольшанский, режиссер В. Фильштинский, художник Г. Берман). Грустный это спектакль.

Сосед, сегодняшний ровесник Тимми, после спектакля с чувством объяснил, что Эдит «ушла с мальчиком в глубь веков потому, что он дорог ей стал». Насчет науки он ничего не сказал. Очевидно, она его не заинтересовала.

А что если немного рассеяться, продолжить игру и вообразить, что спираль пригласит и нас в прошлое, только чуть-чуть, до первого полустанка, откуда и пешком дойдешь обратно. Как тогда жили сверстники моего соседа, был ли, скажем, у них свой театр? Был.

Глянцевитая черная с золотом афиша 1844 года объявляет, что «В Детском театре выставлен магический волшебник Эльфодор. Говорящим голубям можно задавать вопросы только по-французски, цена билета 2 рубля серебром».

Хотя задолго до революции прогрессивные педагоги понимали силу театра как средства воспитания, до Октября ни одного такого театра создано не было. Зато в 20-е годы возникло целое движение с определенной концепцией высокого идейного и художественного наполнения. Зачинателем этого движения явился Ленинградский театр юного зрителя, который в будущем году отпразднует свое 50-летие.

Его создатель А. А. Брянцев определил, что «театр особого назначения должны строить художники сцены, умеющие мыслить, как педагоги, и педагоги, способные чувствовать, как художники». Появились в стране многие десятки ТЮЗов, коллективы которых посвятили свою жизнь в искусстве детям.

Традиция — не мертвый груз. Это эстафета, огонек, бережно передаваемый в быстром движении. Юбилейная дата начала творческий труд и радость поисков уже не одного поколения. Бывшие тюзовские делегаты теперь умудренные опытом люди; на Пионерской площади светится чудесное здание — воплощенная мечта.

«Не делайте кресел с подлокотниками! — говорил Александр Александрович, склонясь над проектом. — Детишки любят группироваться, иногда, чтобы сесть с дружком, и местами поменяешься. Не надо ярусного зала — это разделяет зрителей...» Много любви, заботы и наблюдательности в этих словах.

Детям нужно настоящее искусство с учетом их интересов, особенностей развития. А это очень сложно, ибо условия формирования личности меняются на наших глазах. Меняются ли дети? Еще бы! Но одно остается неизменным, что они дети, а мы взрослые. Они знают в области точных наук больше своих предшественников, разбираются в современной поэзии и музыке, чутки к моде и даже влияют на нее. Но как же трудно проходит для них период сумятицы чувств и шквала новых понятий! Вот почему театр должен готовить спектакли, отвечающие запросам определенного возраста.

Несколько лет назад наша газета писала о том, как решал проблему воспитания Ленинградский ТЮЗ. Немало сделал театр с той поры, но о какой стрельбе из рогаток во время спектакля не может быть и речи, словно ее и не было. В зале царит атмосфера внимания и уважения к действию на сцене. Само по себе это не произошло — выросла зрительская культура. Возможно, содействовало и улучшение работы с активом, делегатским собранием, но основная причина в том, что художественно ТЮЗ стоит сейчас на уровне лучших театров города. Спектакль «После казни прошу...» получил премию Ленинского комсомола. Театр награжден орденом Ленина. Тем не менее разговор о путях и тенденциях развития хочется продолжить. Прежде всего приглашаю высказаться тех, кого растил ТЮЗ: юных зрителей, ставших взрослыми.

Людмила Владимировна Доброва бывший делегат ТЮЗа. Она помнит самые давние спектакли и даже считает, что под влиянием одного из них ведет атеистический кружок в 429-й школе, где сейчас работает. Она сожалеет, что нет теперь в репертуаре полного поэзии «В селах Лицея», созданного Л. Ф. Макарьевым. Говоря о настоящем, Людмила Владимировна восхищается самыми разными спектаклями, они все, по ее мнению, педагогичны сегодня. «А зори здесь тихие» (режиссер С. Е. Дыкин) ценит за благородство, чистоту; как учитель дает высокую оценку историко-революционным спектаклям «После казни прошу...», «Глоток свободы» (режиссер З. Я. Корогодский).

Пока я вполне разделяю ее мнение, и мы оживленно беседуем. Но когда Людмила Владимировна говорит о музыкально-пародийных спектаклях и хвалит их как зритель и педагог, хочется поспорить: так ли уж благотворно их влияние? Но сначала дадим слово другим.

Лидия Ивановна Шапкина преподает литературу в 169-й школе. Она тоже с юных лет полюбила ТЮЗ. Но мнение о сегодняшнем дне ТЮЗа у нее совсем другое. Он перестал быть театром для детей, с сожалением говорит Лидия Ивановна, не воспитывает, идет на поводу у молодежи. Многие спектакли щедры на вопросы, а ответа на них не дают. Позиция режиссеров театра для детей нужна ясная, стройная, как в «А зори здесь тихие». Нельзя заставить барахтаться в проблемах, как это делается в «Трень-брень». В театре не хватает романтических спектаклей, не хватает классики. Пародийные представления же в плане французских традиций и стремятся отвечать настроениям той части молодежи, которая критикует все подряд. «Муха» остроумна, но копируются мизерные чувства, сочность подачи задерживает на них внимание, именно этим, а не духовным богатством увлекается здесь молодежь. На «Чуковского» бегут, как на скандал.

Вот какие различные мнения приходится слышать даже в учительской среде. Они связаны с разным пониманием современности и задач театра для детей. Прежде чем делать выводы, надо побывать на спектакле.

СЕГОДНЯ в зале никто не группируется, не тянется к дружку. В зале нет детей. Идет «Наш, только наш». Взрослые веселятся, хорошо проводят вечер со «звездами фестиваля». Мне доставляет удовольствие молодой, слаженный, остроумный спектакль, нравится больше настоящего мюзик-холла, ибо оттенок иронии только вносит остроту и, так сказать, оправдывает пристрастие к современной западной эстраде. При этом лестно: вроде допустили на артистический «капустник», приобщили к миру искусства. К сожалению, не могу забыть, что нахожусь в ТЮЗе, и это мешает. Зачем, например, пародию на старую кафешантанную эстраду назвали «Былое и думы»? На «капустнике» [illegible] но, а здесь коробит. Жеманные учениці в трико и скромных беленьких передничках неожиданно задирают их. Под передничками-то другие! А вы думали? Уборная учительница повернулась: сзади только трико. Смешно? Конечно. Но почему-то неловко. Мы хорошо отдохнули, услышали шлягеры, даже отбивали ритм. Вспоминались, правда, детские именины, на которых веселятся взрослые гости, забыв виновника торжества.

Выйдя из театра, спрашиваю одного юношу: «Хороший спектакль?» «Очень». «Говорят — пародий?». «Немножко есть, а вообще, самая лучшая музыка. Пойдите, не пожалеете». Как в старом анекдоте: этого парня пародия «так и отталкивала к себе». Но это не пародия, а, как значится на афише, новая творческая шутка, названная скромно «Наш, только наш». Спектаклей такого жанра — целый триптих, направление в репертуаре. В одном журнале представление добротально разобрано, как исполненный эстрадный спектакль, но о том, почему его играют в ТЮЗе, сказано глухо. И в самом деле, почему?

...Озадаченная мама, держа за руку дочку, объясняет, что ей почти шесть лет, а в четыре года она читала «Муху» наизусть. Все равно не рискают. И правильно. Любимую книжку превратили в пародию на балет, оперу и оперетту. И младшим школьникам тоже ни к чему, они еще не знают ни оперы, ни оперетты и имеют слабое представление о балете, и знакомятся с трудным жанром первый раз в искаженном виде. Но музыкальные пародии имеют успех, при входе у скульптур пионеров перепродают билеты. Как ни грустно, среди барышников увидите и школьники.

АФИША ТЮЗа разнообразна. Несомненно, за многие спектакли мы должны быть признательны, они радуют детей, воспитывают их, оставляют добрый след в душе зрителей. Репертуар не только разнообразный, но и пестрый. В нем сплетаются различные тенденции развития и образуют весьма причудливый узор. Веселый спектакль и серьезный, конечно, вызовут разные эмоции, и все-таки их должен объединять единый художественный стиль. Героика в «После казни прошу...» и пародийные передички. Как хотите, нет тут единой концепции, единого направления, стиля театра, назначение которого — воспитывать юных в духе коммунизма.

На афише — спектакли для всех возрастов. Со второго класса и выше — возобновленная тюзовская классика: «Конек-горбунок», «Золотой ключик», «Сказки Пушкина». С третьего класса — «А с Алешкой мы друзья», «Волшебные стеклышко». С четвертого — «Джельсомино в стране чудес». Ребенок 8—10 лет может посмотреть четыре сказки и одну пьесу про своих сверстников. Для трех старших классов 11 спектаклей. Как мне сказали в театре, «нижняя возрастная граница святая, а верхняя — не обязательна», старших приглашают на все двадцать два. Приходится напомнить, что «театр особого назначения» должен принадлежать в равной степени всем школьникам: и малышам, и подросткам, и юным.

Ни для одного возраста нет классической драматургии. Классика дана в обработке произведений Горького — «Хозяин», «Накануне» Тургенева. Поставлен «Дон-Кихот» Булгакова (по Сервантесу). Кто же поможет детям стать обладателями сокровищ русской и мировой литературы, как не их театры? Знание классики пора запрограммировать для каждого, чтобы никого не обделить, и не надо шарахаться от нее только на том основании, что они включены в школьный курс. От театра ждут не иллюстраций, не пособия, а приобщения к искусству и жизни.

Сейчас готовится «Гамлет», в перспективе «Евгений Онегин», «Отцы и дети», возможно, «Преступление и наказание». Из классических пьес предполагается поставить только «Недоросля», но и это не скоро.

ТЕАТР встречается со зрителями не только на спектаклях. Он ведет большую массовую работу, возглавляемую педагогической частью. Делегатов посылает каждая школа, но активных — человек двести. Они предназначены в отряды с занимательными названиями «Тим» (Театр и мы), «Чиж» (Человек интересом жив), «Рамца» (Правда тот, кто искренен) и т. д.

Стенная газета делегатов отражает дух девизов. «...В жизни далеко не все доброе и прекрасное. Под добротой скрывается фальшь, ложь, хитрость, зло. И нужно увидеть, остановить! Раньше, когда я не был делегатом, жизнь для меня была простой, доброй и радостной. Теперь стала сложнее... Какие вопросы меня волнуют? Можно ли, да и нужно ли, делать людей счастливыми? Можно ли во имя добра совершить зло?».

Девочка восьмого класса задумалась над сложностью жизни. Какими спектаклями ответят, чтобы вернуть ясное мироощущение, свойственное юности, и помочь разобраться? Такие вопросы — «Эльфодору» не задашь. Нужен мудрый наставник, помогающий ориентироваться в современности.

Весной прошлого года на вечере выпускников я обратила внимание на юношу, который не пил. Один из всех — вот оригинал! Мне объяснили, что он примерный в учении, труде и поведении, и ребята это не одобряют. Подоплека примерности обнаружилась в тяжелом воспоминании о пьяном отце, но этого никто не знал. «Я живу по своим взглядам, — сдержанно сказал юноша. — А они не верят моей искренности». В его строгой стрижке был вызов «плоборотз»: «Они говорят — не современно. А что такое современно?»

И действительно, что такое современность: мода или чувство времени, обращение к лучшему, перспективному, ценному в человеке? Трудно быть примерным!

ТЕАТР выдвигает много новых, любопытных предложений для создания солидарности поколений. Присутствие на детском спектакле, общение с младшими, несомненно, очищает и облагораживает нас, заражает чистотой и непосредственностью, но это не должно наносить ущерба детям. Как уже говорилось, приглашают старших, и чтобы их не отпугнуть, на афише и в программе не указывают возраст. Приглашают родителей с детьми, объясняя, что это лучше похода классом. Эксперимент — «семейный зал», субботний абонемент для взрослых. Много спектаклей для юношества. Понятие «юный» — само по себе широкое. Ведь среди — студентка пятого курса Педиатрического института, 24 года: «Мой любимый театр, ничего, что детский». Ирина: «Мне 21 год. Я считаю себя юной. Это мой театр. Разве не так?»

Ох, что-то вспоминается сказка «Терем-теремок». Взрослые гости здорово теснят хозяев. Зал вмещает тысячу человек. В городе 500 тысяч школьников. Прикинем, сколько достается спектаклей на долю каждого, особенно в младших классах. В редакторате — редакция получает письма: «Ленинградский ТЮЗ сейчас широко называют БДТ; бывший детский театр. Если ТЮЗ не хочет заниматься детьми, нужно, чтобы в Ленинграде был театр для детей семи—тринадцати лет, и чтобы они могли посмотреть там также произведения русской и иностранной классики».

Странная все-таки создалась ситуация. Театр должен бесконечно доказывать, что он принадлежит детям различного возраста. Возможно, потому, что государство дает ничтожную дотацию, чтобы билет в ТЮЗ стоил в среднем 40 копеек, был доступен каждому ребенку. Но отбросим меркантильные соображения. Что плохого в пристрастии к молодежи и взрослым? Ничего, если бы это не шло за счет детей. Нашему огромному городу вообще мало одного театра для воспитания подрастающего поколения. Напомню: в тридцатые годы их было целых четыре: старший ТЮЗ (А. А. Брянцев), Областной ТЮЗ (Н. Н. Мокшанов), Новый ТЮЗ (Б. В. Зон), Музыкальный театр для детей (И. М. Кроль). Все — интересные художники, разной творческой направленности, объединенные общими принципами.

В ЭТОМ ГОДУ традиционные апрельские брянцевские чтения посвящены кардинальному вопросу: «Роль ТЮЗов в коммунистическом воспитании детей». И с каких бы позиций ни шли сегодня споры о театре, мы должны помнить о высоком его назначении.

М. БЛОК